ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В СИТУАЦИИ ПОСТПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Каждая эпоха и даже этап исторической эволюции человечества отличается в том числе восприятием истории, включая историю права как момента, стороны истории как таковой. В статье представлена авторская интерпретация методологических оснований постмодернистской и постпостмодернистской истории права. Яркий срез исторического понимания истории государства и права представлен в свете современных проблем науки и практики. Показана ограниченность постмодернистской истории права. Демонстрируются перспективы диалогической методологии истории права.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, право, история, история государства и права, методология, модерн, постмодернизм, диалогическая методология истории права, подход.

**Илья Львович
ЧЕСТНОВ,**

профессор кафедры
теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала)
Университета
прокуратуры Российской
Федерации,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
ichestnov@gmail.com
191014, Россия, г. Санкт-
Петербург, Литейный
просп., д. 44

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.091-096

ILYA L. CHESTNOV,

Professor, Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg Institute of Legal Studies,
Branch of the Prosecutor General of the Russian Federation,
Distinguished Lawyer of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Professor
ichestnov@gmail.com
44, Liteyny prosp., Saint Petersburg, Russia, 191014

HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE IN A POST- POSTMODERN SITUATION

Abstract. Each epoch and even stage of the historical evolution of mankind differs, among other things, in the perception of history, including the history of law as a moment, a side of history as such. The article presents the author's interpretation of the methodological foundations of the postmodern and post-postmodern history of law. A vivid cross-section of the historical understanding of the history of state and law is presented in the light of modern problems of science and practice. The limitations of the postmodern history of law are shown. The prospects of the dialogic methodology of the history of law are demonstrated.

Keywords: jurisprudence, state, law, history, history of state and law, methodology, modern, postmodernism, dialogic methodology of the history of law, scientific approach.

Современный мир вступил (точнее — вступает) в новую фазу своей эволюции. Ее именуют эпохой постпостмодерна, хотя не все с этим согласны. Специфика постмодерна как эпохи или промежуточного этапа между эпохами состоит в том, что культура как знаковое опосредование социальности становится не просто «второй реальностью», но самой реальностью как таковой. Любое социальное явление или процесс опосредованы или преломляются в знаковых медийных формах и по большому счету конструируются ими. В этой связи чрезвычайно интересной представляется мысль, высказанная Ф. Джеймисоном, пожалуй, наиболее авторитетным исследователем постмодерна, о «материальности культуры»¹.

Так понимаемый «культуральный поворот»², ознаменовавший приход постмодерна, предполагает дополнительность материального и ментального (психического): реальность не существует вне и без представлений о реальности. Поэтому постмодерн включает в себя постмодернизм как рефлексию над постсовременностью.

Эпоха модерна предполагала телеологизм истории, разумность, рациональность исторического процесса, аподиктичность знания о прошлом («как это было на самом деле», по терминологии О. фон Ранке). В то же время поэтический образ всегда сильнее рационального понятия³. Постмодерн характеризуется Ф. Джеймисоном в том числе аисторизмом (вместе с «отсутствием глубины» и «затуханием аффекта»⁴).

Аисторизм постмодерна (постмодернизма как рефлексии постмодерна) выражается не только в «конце истории» в связи с «полной и окончательной победой» либерализма или неолиберализма, а с «симулякризацией» истории (и истории права) в процессе формирования постправды. «Легко угадать, — пишет М. Эпштейн, — что бодрийяровские симулякры могут послужить удобным теоретическим оправданием пропагандистских концепций “постправды” (post-truth), “информационных фейков” и “альтернативных фактов”, получивших хождение во второй половине 2010-х гг., и отнюдь не только в риторике президента Д. Трампа... Таким образом, постмодернизм начинает ассоциироваться с обманом, с фальсификацией, с промывкой мозгов, с наглой пропагандой, извращающей истину»⁵.

История (и история права) в ситуации постмодерна превращается в идеологию и используется в политике, в том числе в политике права: в борьбе за право официальной номинации и юридической квалификации некоторых социальных явлений как юридически значимых. Именно в этом и состоит аисторичность постмодерна (постмодернизма как рефлексии постмодерна).

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. С. 194—195.

² О «культуральном повороте» в юриспруденции см. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая программа культурального измерения права // Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. С. 13—42.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 92—93.

⁵ Эпштейн М. Постмодернизм в России. М., 2019. С. 543.

История как память о юридически значимом прошлом (знания в области истории права) конструируется сообществом (властными референтными группами в борьбе за официальное право номинации именно так трактуемого прошлого). В то же время образ прошлого, запечатленный в коллективной памяти, в том числе в учебниках, и процесс преподавания истории права конструируют сообщество, в том числе нацию, как политико-правовой конструкт.

Значимы не факты, а их интерпретация — заявление, вытекающее из принципа неопределенности в квантовой физике, в ситуации постмодерна переключалось в методологию наук, в том числе в историю права. Риторические способы конструирования всегда ограниченного представления о прошлом, в ситуации постмодерна становятся «ставками в политической борьбе» за «право официальной номинации» (и юридической квалификации: в формировании официального представления о юридической значимости некоторых социальных явлений и процессов) социального мира. Эти риторические приемы становятся содержанием истории права, обеспечивающей коллективную правовую идентичность в «индивидуализированном социуме» постсовременности.

Несмотря на глобальную гиперпопулярность понятия «постмодерн» (и «постмодернизм»⁶), уже в начале 2000-х гг. приходит разочарование многих социальных философов в его адекватности изменяющимся реалиям.

Поиски новой теории, в том числе теории истории права, адекватной постсовременному состоянию культуры и общества (исторической и социокультурной реальности), обусловлены не тем, что многие авторы отказались от данного термина (хотя терминология, как и описание, играет важную роль в конструировании социальной реальности), а радикальным релятивизмом и критицизмом влиятельных концепций постмодернизма.

Да, сторонники постмодернизма во многом справедливо критикуют эпоху модерна, в том числе гипертрофированные ожидания, связанные с научной рациональностью, которые на поверку выродились в тотальный контроль над обществом с помощью новых мягких манипулятивных методов-технологий, ради интересов общественной безопасности. Более ничего конструктивного они не предлагают. Разочарование в перманентной критике, в том числе сложившихся историко-правовых концепций, и страх перед возрастающей неопределенностью и рисками нового мира вынудили практически всех постсовременных мыслителей искать новые теории. К ним относится направление в культуре и науке, именуемое постпостмодернизмом.

Среди новых подходов, относящихся к родовому понятию «постпостмодернизм», выделяю концепцию диджимодернизма (цифромодернизма) А. Кирби. По мнению А. Кирби, главные изменения «после постмодернизма» происходят в области технологий. В истории права «дигитальный, или цифровой, поворот» связан с анализом принципиально важной роли медиа в конструировании права и его воспроизводстве, начиная с эпохи модерна.

⁶ С моей точки зрения, между понятиями «постмодерн» и «постмодернизм», если исходить из положений классической философии, можно провести различие как между историческим этапом и его описанием. Однако после информационного или, точнее, лингвистического «поворота» социальная реальность не существует вне или без ее описания. Поэтому далее эти понятия используются как синонимы.

Другим вариантом, взыскующим найти выход из постмодернистского релятивизма и иронии, выступает концепция метамодернизма. Содержание этого подхода, привлечшего внимание многих авторитетных юристов, в том числе В. Д. Зорькина, на сегодняшний день пока оказывается весьма туманным.

В общем и целом приходится констатировать, что благородные попытки найти новую серьезность и надежные основания теории постсовременности пока не принесли сколько-нибудь впечатляющих результатов. Тем не менее это не повод «сидеть сложа руки». Об этом, в частности, рассуждает В. Д. Зорькин. Уместно было бы привести цитату известнейшего нашего юриста, замечательного специалиста в области истории правовых учений и теории права, однако, как известно каждому, кто в ситуации диджимодернизма взялся за написание научной статьи, цитирование резко снижает оригинальность текста и увеличивает процент плагиата и, как следствие, риск возможности публикации.

По мнению В. Д. Зорькина, постмодернизм как радикальный релятивизм сегодня себя исчерпал и, более того, угрожает выживанию человечества⁷. Гораздо более перспективен, с его точки зрения, метамодернизм, который преодолевает ограниченность модернистского правопонимания и в то же время предлагает конструктивную программу, которой нет в постмодернизме. Такая конструктивная программа, как считает В. Д. Зорькин, образующая содержание «юридического метамодерна», есть не что иное, как интегративное правопонимание.

Не ставя под сомнение авторитетность мнения о перспективности интегративного подхода, замечу, его необходимо наполнять практической конкретикой для того, чтобы он стал работоспособной программой. Одного провозглашения важности и перспективности взаимодополнительности разных аспектов бытия права явно недостаточно. Таким перспективным инструментальным подходом, вытекающим из постулатов постпостмодернизма, является диалогизм, конкретизирующий конструктивистскую парадигму постпостмодернизма.

Возвращаясь к анализу состояния историко-правовой науки, позволю себе сделать следующее утверждение: сегодня очевиден запрос на «новый историзм», в том числе в сфере права. На эту роль может претендовать диалогическая методология истории права. В современной философии и науке (прежде всего в лингвистике) диалогизм как методология, условно говоря, подразделяется на экзистенциальную и семиотическую программы или подходы.

Первый подход представлен идеями М. Бубера, Э. Левинаса, второй — работами Ц. Тодорова, Ю. Крисевай, Ю. М. Лотмана. Между ними уместно расположить оригинальные концепции, «не вписывающиеся» в традиционные классификации М. М. Бахтина, В. С. Библера и О. Розеншток-Хюсси. Акцент на личностную экзистенцию, проявляющуюся в идентичности, на формировании неповторимости и уникальности через различение себя и «обобщенного Другого» свойствен первому подходу. Диалог в рамках структуры коммуникации как обмена сообщениями изучается структурной лингвистикой. Очевидно, у обоих подходов есть несомненные достоинства, но и недостатки. Структуры, конечно, «не выходят на улицы», но они не только подавляют экзистенцию личности, а и участвуют в ее

⁷ Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. С. 1—8.

формировании. Наиболее важное в диалогической методологии, на мой взгляд, состоит в выявлении того, как именно взаимодействуют структура и личностная индивидуальность:

- как структуры конструируются активностью акторов, в том числе в исторических процессах;
- какими механизмами структуры социализируют индивида.

Идеи диалогизма или диалогической методологии чрезвычайно плодотворно использовали такие замечательные отечественные историки, как А. Я. Гуревич, Л. М. Баткин, Ю. Л. Бессмертный и некоторые другие. Мне доводилось излагать важные положения этих авторов, в частности в разделе «Методология историко-правовой науки» в учебном пособии «История и методология юридической науки»⁸. Сейчас же замечу, что историки права крайне редко обращаются к диалогической методологии, что, на мой субъективный взгляд, обедняет историко-правовую науку.

Как же можно конкретизировать достаточно абстрактные положения диалогической методологии к анализу историко-правовых явлений?

Можно использовать программу французского социолога П. Бурдьё. Она предполагает прежде всего экспликацию механизма исходного конструирования того правового института или явления, которое изучает историк права. Все правовые институты, с точки зрения П. Бурдьё, не возникают «сами по себе» (или по воле Божьей), но конструируются акторами, обладающими властным статусом в соответствующем «поле» и преследующими свои групповые интересы. Анализ такой борьбы (которая всегда протекает в символических формах), в результате которой конструируется новый правовой институт, условно говоря, можно назвать первой стадией диалогической методологии.

Замечу, что сама «агональная практика» в смысле, который вкладывает в этот термин Ш. Муфф (если она не выливается в «агрессивное насилие», как изящно выражается В. А. Четвернин), и есть разновидность диалога, так как такая борьба в рамках, устанавливаемых соответствующим «полем», всегда предполагает принятие точки зрения Другого, что и выступает содержанием диалога в феноменологическом его измерении.

Для этого требуется рефлексия существующих в современном обществе и в историко-правовой науке точек зрения, а также саморефлексия — экспликация собственной точки зрения, включая идеологические пристрастия и «бессознательное отношение» (по терминологии П. Бурдьё) к изучаемому институту или явлению. Самокритика или саморефлексия вместе с «критикой» основных позиций, прояснение их пристрастности и идеологичности (а таковые всегда имеют место в отношении современников к историко-юридическому прошлому⁹) составляет содержание второй стадии. Взаимосоотнесение механизма конструирования изучаемого правового объекта с системой его оценок в «поле» современной идеологической борьбы и образует диалогическую методологию.

⁸ История и методология юридической науки / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. СПб. : СПбИВЭСЭП, 2014. 560 с.

⁹ «Вопрошание прошлого от имени современности» и есть диалогичность истории по мнению А. Я. Гуревича. См.: Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. 1996. С. 83.

Так понимаемая диалогическая методология истории права четко коррелирует с господствующими идеями постклассического науковедения. Одним из важнейших положений последнего является утверждение о том, что процесс научного познания не есть познание активным субъектом пассивного объекта, как со времен Р. Декарта считалось в классической гносеологии, а предполагает диалог субъекта и объекта (как «диалог с природой», в интерпретации И. Р. Пригожина). Тем самым постулируется ценностно-целевая установка процесса познания, неустранимость из него социокультурной, идеологической составляющей, включая научные предпочтения субъекта познания — члена научного сообщества, представителя соответствующей культуры, носителя определенной идеологии и т.д.

Социальная и, следовательно, историческая (историко-правовая) реальность — не данность, а конструкт, хотя и не произвольный. Несомненно, история права — это не то, «что было на самом деле», а оценка того, что было зафиксировано в текстуально-правовой форме. Это не значит, что в прошлом вообще ничего не было, а все прошлое — только наше воображение. Господствующие представления о прошлом права, включая культурную память социума, неизбежно интерпретируются и репрезентируются историками. Важно осуществить «вторую рефлексия» — критику самого себя в контексте референтной группы и социокультурного, в том числе идеологического, окружения. Другими словами, историк права обязан честно заявить, что он придерживается таких-то определенных идеологических, культурных и научных предпочтений, так как от них во многом зависит именно такая, а не другая интерпретация прошлого.

Представленная диалогическая программа историко-правовых исследований является чрезвычайно перспективным направлением постклассической науки и нуждается в дальнейшей разработке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. — 1996. — С. 81—109.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 799 с.
3. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. — 2019 — № 4. — С. 1—8.
4. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.
5. История и методология юридической науки / под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова. — СПб. : СПбИВЭСЭП, 2014. — 560 с.
6. Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. — СПб. : Алетейя, 2018. — 464 с.
7. Эпштейн М. Постмодернизм в России. — М. : Азбука, 2019. — 608 с.